

Ольга Романовна, семья Трифоновых здесь успела стать старожилками?

- Нет. Семья переехала в дом правительства, который теперь все знают как Дом на набережной, в 1932 году, когда будущему писателю едва исполнилось семь лет. А уже спустя пять лет арестовали и расстреляли отца - крупного партийного деятеля, мать получила большой тюремный срок. Юру, его сестру и бабушку из этого образцового дома выселили. Кстати, их бабушка, Т.А. Словатинская, была ярким представителем железной когорты старых большевиков, до революции водила знакомство с Лениным и Сталиным и, несмотря на личные беды, осталась верной партии до конца своих дней.

- Чем кроме жилища было это место для Юрия Валентиновича?

- С ним у Юры связаны воспоминания о подростковых, решающих для становления личности годах. Мальчишки создали свое дворовое тайное общество, где закаляли волю: ходили по перилам балкона десятого этажа. Были и другие безумные затеи. Всей их компанией предводительствовал Лева Федотов, сын известного коммунистов, талантливый мальчик, прививший своим товарищам уважение к знаниям. Ибо, не зная знаменитой фразы Джефферсона: «Знание - это единственная драгоценность, которую у тебя никто не сможет отнять», люди этого поколения интуитивно следовали ей.

Сейчас это звучит почти невероятно, но в 30-е годы почти во всех квартирах дома, где жили подростки, скрипели перья, из-под которых выходили приключенческие повести, любовные новеллы или фантастические рассказы. Мальчишки сочиняли, соревнуясь друг с другом. Телевидения тогда, слава богу, еще не было.

И вот такая очень осмысленная жизнь в нежном возрасте, безусловно, оказала на Трифонову влияние. Жаль, что многие из того поколения не вернулись с войны, а Лева Федотов, предсказавший в своем дневнике дату начала войны и весь ее ход, погиб в 1943 году под Тулой. Его светлый образ Трифонов воссоздал в повести «Дом на набережной» и в романе «Исчезновение».

- Когда арестовывали родителей, от ребенка во дворе отворачивались?

- Только в 30-е годы из этого дома забрали каждого третьего взрослого жителя. Но среди детей взрослый «табель о рангах» не был популярен. Так, сын всеильного замнаркома НКВД Меркулова держался на равных с другими в дворовой компании. В том бесшабашном возрасте никого особенно не интересовал социальный статус сверстника. И, следовательно, среди мальчишек отсутствовало то чувство патологического «сталинского» страха, которое орудом взрослых. Например, после ареста родителей мальчик Артем Ярослав (революционный псевдоним отца) переехал жить к своей тетке на Пресню. Туда ребята не таясь ходили его навещать.

- Не стало ли подобное «изгнание из рая» для Трифоновой своеобразным толчком к серьезным занятиям литературой?

- Трифонов не сильно дорожил тем потерянными социалистическим раем в пределах отдельно взятого дома. Для него трагедией стало исчезновение отца и матери. (Кстати, свои первые стихи и маленькие рассказы Юра посылал матери в Карлаг.) Это впоследствии и стало тем опытом страдания, который, к сожалению, очень важен для любого большого писателя. Моего отца тоже репрессировали. И я сполна испытала горькую долю отверженной обществу, какими были дети «врагов народа». Отчасти это нас с Юрием Валентиновичем и сблизило, когда в 1972 году я оказалась в его семинаре для начинающих писателей (были и такие). Но еще задолго до того я восхищалась его книгами и чувствовала, что их мог написать только очень хороший человек.

- Слышал, что Трифонов, словно нарочно, в своих предыдущих трех браках выбирал себе в спутницы жизни женщин, которые по характеру оказались сильнее его...

- Это не совсем так. Юрий Валентинович был сильным человеком с твердыми жизненными установками. А женщинам казалось, что они могут его переломить и поднять под себя. Они заблуждались, принимая поклади-

Повести Юрия Трифонова «Дом на набережной» суждено было стать главной во всем творческом наследии писателя. Она и зарождалась здесь, в серой многоэтажной громадине по адресу Серафимовича, д. 2, мрачный вид которой не скрашивают ни расположенный по соседству развеселый Театр эстрады, ни затейливые башенки Кремля на том берегу Москвы-реки. Сейчас на первом этаже этого здания расположен муниципальный музей «Дом на набережной». С его директором и вдовой писателя Ольгой Трифоновой мы сидим и беседуем среди экспонатов, и кажется, что дом, как чуткий пес, прислушивается к нашему разговору.

Ольга ТРИФОНОВА:

ЧЕЛОВЕК ИЗ ДОМА НА НАБЕРЕЖНОЙ

мость за признак слабости, а великодушие - за податливость. Женщины, не различающие такие нюансы, рано или поздно за это расплачиваются.

- Известно, что в свободное от литературных трудов время Трифонов писал сценарии для кино. А вы в 1973 году окончили Высшие двухгодичные курсы сценаристов и режиссеров при Госкино. Это на вас киношный пример Трифонов повлиял?

- К своим сценарным опытам уже тогда всемирно известный писатель Трифонов относился иронически. Поскольку он обожал спорт и хорошо в нем разбирался, то и в фильмах по его сценариям - «Хоккеисты», «О чем не узнают трибуны» и других - преобладала спортивная тематика.

Я же воспитывалась в те времена, когда очень немногие люди могли себе позволить быть свободными художниками. И хотя в начале 70-х я, преподаватель электротехники Горного института, уже начала публиковаться, мне все же не доставало храбрости бросить все и начать жизнь профессионального литератора. А сценарные курсы как раз стали переходным этапом между этими социальными ступенями. Ты уже не прикован к своему месту работы, но еще и не в свободном полете...

Почти все мои однокурсники, среди которых Михаил Пташук, Алла Сурикова, Витя Крючков, Толя Усов, в кино состоялись. По моему дипломному сценарию «Я садовником родился» был снят фильм с Леонидом Марковым и Валентином Гафтом в главных ролях под названием «Схватка в пурге», которое породило много шуток

на «Мосфильме». Картина получилась неплохой, но кинодраматургия не стала делом моей жизни. Мне интересней заниматься прозой.

- Юрий Валентинович давил на вас своим писательским авторитетом?

- Настолько сильно, что в какой-то момент я даже прекратила писать. Несмотря на характер деликатный и добрый, заставить Трифонову сказать неправду о чьем-либо творчестве было невозможно. Его похвала в адрес моих текстов ограничилась словами: «Ты хорошо знаешь жизнь», что являлось весьма сомнительным комплиментом. Я скоро поняла, что рядом с таким мастером еще что-то творить смешно. Потом, правда, неиссякаемый писательский импульс опять пригнал меня к письменному столу. Я взялась за роман «День собаки» о проблемах генетики 1948 года. А Юрий Валентинович мне шуточно посоветовал: «Сейчас тебе не надо думать о куске хлеба - ты за мной, как за каменной стеной. Поэтому попробуй отрешиться от редакторских страхов и цензурного самоограничения и напиши так, как считаешь нужным». Когда я ему потом читала отрывки, он сказал: «Это уже кое-что». В его устах - серьезная похвала.

- Официальный успех пришел к Трифонову еще в студенческие годы, когда в 1951 году его роман «Студенты» получил Сталинскую премию. Но подлинное признание читателей принесло писателю все же его «городские» повести 70-х. Как Юрий Валентинович переживал позднюю славу?

- После «Студентов» от него ждали продолжения темы: «Аспиранты»,

«Профессора» и т. д. Но Юра не хотел повторяться и, можно сказать, замолчал почти на 13 лет, если не считать спортивных репортажей и рассказов. Вот как пришлось расплатиться за эту премию. Он потом с иронией говорил: «Многие люди считают, что существует три писателя по фамилии Трифонов: один сочинил «Студентов», другой пишет в газеты спортивные репортажи, а уже третий - автор «московских» повестей». Поздняя слава на первых порах льстила его самолюбию, но потом стала обузой, поскольку интервью, поездки, встречи отнимали слишком много времени. И Трифонов перешел на затворнический образ жизни. У него были большие планы.

- Он помногу работал?

- Поднимался спозаранку, писал час-два или больше. Причем исправлений в текст вносил мало - удивительное для прозаика свойство. Природа его таланта была поэтической. Как у поэта стихотворение сначала формируется в душе, а потом готовое записывается, так что-то подобное существовало у Трифонова с прозой.

А если говорить на бытовом уровне, то не было такого: «Папа работает. Тише! Все в этом доме замри!» Я сначала пыталась устанавливать в квартире тишину, чтобы ребенок не бегал и не кричал. Но он мне заметил: «Ты это зря. Мне шум совсем не мешает». Вечером он обычно просматривал написанные за день от руки (печатать на машинке не любил) три-четыре страницы текста. Потом читал мне, и я надеюсь, мое мнение было для него безразлично.

- Считается, что жена писателя - это тяжелая подсобная работа...

- Если не любить мужа, тогда что с писателем, что со слесарем одинаково трудно жить. А если любишь, то все очень легко.

- Когда он задумал «Дом на набережной», вы чувствовали, что это что-то из ряда вон выходящее?

- Как раз наоборот. Он начал мне рассказывать довольно скучную историю о какой-то учительнице-немке и ее муже и, видя скептическое выражение моего лица, разозлился: «Сто раз давал себе слово никогда не рассказывать задумку». Трифонов, как и многие писатели, совершенно не умел рассказывать замыслов. Впрочем, это и не надо было делать. Магический трифоновский стиль письма рождался только во взаимодействии руки с листом бумаги. Повесть «Дом на набережной» потребовала от него больших душевных сил. Я помню ту зиму. Он все время был как бы не с нами, оставаясь глубоко погруженным в себя.

С первых страниц повести стало ясно, что эта вещь, скорее всего, пойдет «в стол». И то, что она все-таки вышла, - величайшая удача. Впрочем, Трифонов всегда повторял, что талант проявляется в умении сказать все, что хочешь сказать автор, и не быть при этом изуродованным цензурой. Однако мы серьезно встревожились, когда тот номер журнала «Дружба народов», в котором впервые напечатали повесть, вдруг начали изымать из библиотек. Юра посчитал, что «Дом на набережной» никогда не выйдет отдельной книгой. И с каким удовольствием на первом экземпляре вышедшей-таки книги он в шутку написал: «Юрию Валентиновичу Трифонову с благодарностью за усилия по пробираванию этой книги. От автора».

- А что за история случилась с Нобелевской премией?

- В 1980 году классик немецкой литературы Генрих Белль выдвинул Трифонову на соискание Нобелевской премии за исторический роман «Нетерпение». Этот роман, как и большинство произведений Юрия Валентиновича, сразу же перевели на все европейские языки. Когда я потом бывала в Стокгольме, в Нобелевском комитете мне показали «Дело Трифонова»: несколько пухлых папок с вырезками публикаций СМИ разных стран. Вдобавок к этому они еще и сами заказывают рецензии авторитетным критикам по всему миру. Мне сказали, что у Юрия Валентиновича были большие шансы на победу, но смерть писателя в марте 1981 года все перечеркнула. Нобелевскую премию посмертно не присуждают.

- Некоторые считают: если бы Трифонов выпустили на лечение в Америку, он остался бы жить.

- Трудно сказать. Рак почки пока нигде в мире не научились вылечивать. Мы хотели поехать на консультацию в Америку. Однако в Союзе писателей нам отказались выдать загранпаспорта. Хотя Юрий Валентинович не был в списке невыездных, но, очевидно, времена менялись не в лучшую сторону. Нам ответили, что хорошие врачи есть и в Советском Союзе. Это действительно так. Трифонов прооперировал замечательный доктор Лопаткин, но в нищенской городской больнице писателя не смогли выхотить. Юрий Валентинович умер от послеоперационного осложнения - эмболии. Думаю, что в Америке жизнь моего мужа смогли бы продлить на несколько лет.

- В его архиве осталось что-то неопубликованное?

- Да. Сохранился черновой вариант романа и еще одна автобиографическая вещь. Но их время еще не пришло. Там есть нелегальные моменты. Многие описанные в тексте люди еще живы. Не хочу кому-то портить жизнь. А дневники и рабочие тетради я опубликовала несколько лет назад в журнале «Дружба народов», потом и отдельной книгой.

- Дети писателя пошли по его стопам?

- К сожалению, нет. Но это почти норма в писательских семьях. Не стали литераторами ни дети Пушкина, ни дети Достоевского, ни даже многочисленные отпрыски Льва Толстого. Очевидно, писатель - уникальное создание природы, не поддающееся серийному воспроизводству.

Беседу вел Анатолий СТАРОДУБЕЦ